

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

В. И. Авдиев, История древнего Востока. Издание второе, переработанное и дополненное, Госполитиздат, 1953, 758 стр., тираж 100000 экз., цена 12 р. 10 к.

Недавно вышло в свет второе издание учебника проф. В. И. Авдиева. Насыщенность книги ценным фактическим материалом, выдвижение на первый план вопросов экономики, рассматриваемых в тесной связи с социальными отношениями, широкое использование последних достижений археологической, филологической и исторической науки, доступный характер изложения — все это определяет ценность рецензируемой книги.

В учебник включен новый документальный материал, поэтому второе его издание значительно отличается от первого по объему. Автор подверг значительной и существенной переработке весь текст книги с учетом замечаний рецензентов на первое издание учебника. Расширены и серьезно переработаны главы по истории древней Индии и древнего Китая. Увеличен раздел, посвященный истории Урарту и Средней Азии, сыгравших важную роль в древнейшей истории народов СССР. Жаль только, что древнейшая история Средней Азии объединена в одной главе с историей древнего Ирана (гл. XVIII — «Средняя Азия и Иран в древности») Более полно дана в новом издании библиография, в основном за счет включения в нее новых исследований советских ученых. В книгу включены также новые иллюстрации и т. д.

В центре внимания автора стоят вопросы экономической истории древневосточных обществ. В. И. Авдиев подробно говорит о развитии производительных сил и в тесной связи с этим рассматривает вопросы производственных отношений в общественно-политического строя. Наряду с письменными источниками, В. И. Авдиев широко пользуется материалом последних археологических раскопок для характеристики экономики и общественного строя особенно тех стран, в отношении которых мы совсем или почти не располагаем письменными источниками. Можно отметить, например, характеристику архаической эпохи истории Месопотамии на основании раскопок Эль-Обейда, Урука и Джемдет-Насра (стр. 41 сл.), широкое привлечение археологического материала для освещения истории Ирана и Средней Азии (стр. 525 сл.). Автор нередко также использует и языковые данные в качестве исторического источника, например, при характеристике общественной и хозяйственной жизни древнееврейских племен (стр. 389 сл., 393) и в некоторых других местах. Однако нам кажется, что следовало еще в большей степени привлечь данные лингвистики для освещения различных вопросов истории древневосточных народов.

Вместе с тем в книге имеются некоторые довольно серьезные недостатки. Хотя автор в основном пропорционально распределил листаж между отдельными древневосточными странами согласно их значению и роли в истории, тем не менее хорошо разработанные в науке история и культура Вавилонии и Египта представлены намного более рельефно, чем история и культура других стран. Хотя главы по истории Индии и Китая расширены во втором издании и вместо $\frac{1}{10}$ занимают $\frac{1}{8}$ объема учебника, тем не менее и в рассматриваемом издании В. И. Авдиев уделил основное внимание истории Египта — немногим меньше $\frac{1}{3}$ всего объема, т. е. 208 страниц. Вместе с тем следует отметить, что слишком большой объем учебника создает известные трудности

в усвоении материала: на первом курсе, кроме истории древнего Востока, студент изучает также историю древней Греции и Рима и историю первобытного общества.

Учебник не устраняет расхождений, имеющихся в вузовских программах по истории древнего Востока, с другими разделами всеобщей истории¹. В то время как программа доводит изложение истории стран Переднего Востока до VI—V вв. до н. э., историю средневекового Востока обычно излагают, начиная с VI в. н. э. При таком расхождении из поля зрения учащегося выпадает громадный тысячелетний период, о котором не говорится ни в курсах истории Греции и Рима, ни в курсе истории Средних веков. Между тем этот период исключительно важен, так как в это время происходит смена рабовладельческой формации феодальной.

В. И. Авдиеву следовало выделить отдельную главу истории хурритских племен и Митанийского царства, учитывая ту роль, которую играл и хурритский элемент и государственное образование хурритов — Митанни. Желательно было включить в учебник больше материала по истории древнего Закавказья и Средней Азии.

Представляется крайне неудачным объединение в одной главе древней истории Средней Азии и Ирана. Труды советских востоковедов и результаты раскопок, произведенных в Средней Азии, давали автору возможность выделить ее историю в самостоятельную полноценную главу, тем более что народы Средней Азии играли значительную роль в общем историческом развитии древнего Востока.

Особенно интересен в учебнике развернутый критический анализ различных буржуазных лженаучных «теорий». Автор не ограничивается критикой широко известных концепций буржуазной историографии, реакционная сущность которых давно уже вскрыта советскими учеными, но разоблачает и лженаучные, реакционные построения современных буржуазных историков, фальсифицирующих ряд важнейших вопросов истории древневосточных народов. Так, В. И. Авдиев вскрывает подоплеку того интереса, который современная американская историография проявляет к странам Ближнего Востока (стр. 36). Он выступает также против идеализации древнеавилонской деспотии времени Хаммурапи, которую реакционные буржуазные историки изображают в качестве прочной строго организованной, «унифицированной» монархии, в которой якобы было почти достигнуто внутреннее «гармоническое равновесие» между различными группами населения (стр. 96). В книге дана критика псевдонаучной «солнечной теории» реакционных турецких писателей, пытавшихся «подвести историческую основу под политику установления турецкого государства в Передней и Средней Азии» (стр. 330), согласно которой турки являются будто бы исконным древнейшим населением Малой Азии и турецкий язык якобы родственен хеттскому и шумерийскому языкам. Автор справедливо указывает на тот бесспорный факт, что турецкий язык входит в совершенно иную семью языков и не имеет никакого отношения ни к шумерийскому, ни к хеттскому языку. В связи с этим следовало бы отметить факт использования турецкими «учеными» лженаучной марровской лингвистической теории для обоснования подобных бредовых положений.

Однако, повидимому, в связи с тем, что истории хурритских племен и Митанийского царства в книге не отведена отдельная глава, В. А. Авдиев не дал критики расистских утверждений буржуазных историков о наличии почти у всех неиндоевропейских древневосточных племен и народностей «индоевропейской правящей верхушки»². Подобные утверждения стали господствующими в отношении хурритского населения Верхней Месопотамии и Сирии, урартийцев, мушков и др. Процесс политической консолидации хурритских племен начался, по мнению этих «историков», лишь с появлением у них арийской аристократии, которая якобы повлекла за собой «бесформенную массу» местного хурритского населения и т. п. Все эти утверждения, основанные на

¹ На это обращалось внимание уже в рецензии И. М. Лурье и И. М. Дьяконова на первое издание учебника. См. ВДИ, 1950, № 1, стр. 132.

² Это обстоятельство отмечалось нами и в рецензии на учебник «История древнего мира» под редакцией В. Н. Дьякова и Н. М. Никольского. См. ВДИ, 1953, № 2 стр. 86.

сомнительных индоевропейских этимологиях отдельных слов или имен, лишены всякого научного основания. Нам кажется, что В. И. Авдиеву следовало подвергнуть критике и эти лженаучные упражнения буржуазных историков.

Основываясь на марксистско-ленинском понимании характера империй рабского и средневекового периодов, автор отмечает, что «даже наиболее крупные и могущественные царства древнего Востока были основаны на завоеваниях, а не на тесных экономических связях. Это были недолговечные и непрочные государства, состоявшие из отдельных племен и народностей» (стр. 7 сл.). В связи с этим, как нам кажется, следует отметить, что определение империй древности, данное И. В. Сталиным, вполне можно применить, кроме государства Кира, к Ассирийской и Хеттской монархиям, к государству Митанни в эпоху его наивысшего могущества, а также и к некоторым другим государствам древнего Востока, по крайней мере, в определенных периоды их существования. Однако, нельзя подобным же образом характеризовать все древневосточные государства на протяжении всей их истории. Можно привести немало примеров тому, когда древневосточное государственное образование существовало в основном в границах распространения одной народности, имевшей свой собственный язык и свою экономическую базу. Этот вопрос требует большей ясности и на нем, как нам кажется, следовало более подробно остановиться и во «Введении». Несмотря на то, что основные положения, выдвинутые автором во «Введении», в дальнейшем изложении раскрываются на примере конкретной истории древневосточных государств, тем не менее было бы желательно расширить «Введение» и рассмотреть в нем с привлечением конкретных примеров основные вопросы социально-экономического и государственного строя древневосточных народов.

Г. А. Меликишвили

*

Во втором издании учебника весь материал в целом расширен и переработан соответственно с этим также дополнены главы V—X, посвященные истории древнего Египта. Без изменения осталась только глава XVII — «Поздний Египет», в которой лишь на стр. 501 сделана незначительная вставка относительно находки гробницы Пешонка в Танисе. Целый ряд замечаний рецензентов принят автором, им исправлены также указанные неточности. Вместе с тем в некоторых случаях автор, очевидно не согласившийся с рецензентами, оставил текст без изменения.

Истории Египта отведено 208 страниц, на 28 страниц больше, чем в первом издании. Автор значительно подробнее осветил развитие производительных сил и производственных отношений, происхождение египетского государства, возникновение и оформление царской власти. Анализируя материалы из погребений знати, например, Хемака — хранителя печати царя Дена, и гробниц простых людей, автор дает четкую картину начавшегося имущественного неравенства и социального расслоения в ранний период истории Египта (стр. 177 сл.). В. И. Авдиев подробно характеризует власть фараона в период I династии. Изложение образования и организации египетского государства этого времени основывается на тщательном изучении всего имеющегося археологического материала, из которого автор делает ряд интересных выводов о происхождении царской власти в конце архаической эпохи. Очень ценно, что в значительной степени этот материал приведен в учебнике, так что читателю ясно, на чем основаны выводы автора.

В следующих главах (VII, VIII, IX) расширены описания внешних сношений Египта с Нубией, Сирией и Палестиной. Используя данные раскопок, росписи гробниц и документы, В. И. Авдиев подробно освещает борьбу египтян с азиатами, экспедиции в Синай, укрепление южных границ Египта в Древнем царстве, эксплуатацию естественных богатств Синая и Нубии в период Среднего царства, завоевательную политику Аменхотеп II в период Нового царства. Дополнена и конкретизирована характеристика развития и роста производительных сил Египта в эпоху Нового царства. Автор детально излагает развитие и совершенствование сельскохозяйственных орудий труда, подробно описывает организацию различного вида ремесел, для

чего широко привлекает данные памятников письменности, гробничных росписей и рельефов.

Полнее использованы такие документы, как «Поучение Гераклеопольского царя», свидетельствующее о социальном расслоении в период Среднего царства, и «Жалобы крестьянина» — для характеристики начавшей развиваться в этот период внутренней торговли. Однако этому последнему тексту не повезло в учебнике. Автор и во втором издании продолжает называть рабом Тхутинахта, правителя дома придворного вельможи Ренси (стр. 224), хотя на это нет никаких указаний в тексте. К тому же в главе X, где следовало дать более подробную характеристику этого папируса и оценку его как завуалированного политического памфлета, прекрасно раскрывающего наличие в египетском обществе классовых противоречий уже в начальный период Среднего царства, «Жалобам крестьянина» уделено всего 8 строк. Тогда как поучение Аменхета и описание покушения на царя с цитатами из текста занимает почти страницу. Непонятно, почему «Жалобы крестьянина» отнесены к разделу поучений.

Введение новых текстов дает возможность более подробно и четко охарактеризовать обострение классовых противоречий, рост и развитие храмовых хозяйств в период времени конца XIX династии (стр. 274).

Немало места в дополнениях занимает история Нубии и ее взаимоотношений с Египтом в период Нового царства (стр. 266) и в древнейшее время (стр. 172). Привлечение данных раскопок в Анибе (Нубия) позволяет установить древнейшие связи Египта с протоафриканскими племенами, что впервые получает освещение на страницах учебника по истории древнего Востока. Также дополнена материалами из раскопок в Кау история эпохи каменного века Египта (стр. 165). Новые данные, введенные в главу V (источники и историография), весьма улучшили этот раздел: упоминаются в числе источников сочинения Тапита и Аммиана Марцеллина (стр. 138), несколько расширены сведения о работах Эрмана и Зете в области изучения египетского языка. Вместе с тем автор подвергает исследования последних справедливой критике за чрезмерное упрощение египетского синтаксиса и преувеличение близости египетского языка к языкам семитической группы.

Очень большое внимание уделено заслугам русских ученых. Этот раздел, подробно изложенный и в первом издании, дополнен описанием путешествий русских в Египет начиная с XV в. Особенно ценно освещение тех наблюдений, которые были сделаны В. Г. Барским, посетившим Египет в XVIII в., и А. Норовым в XIX в.; А. Норов привез из Египта великолепную статую львиноголовой Сохмет (находится в Гос. Эрмитаже) и оставил описание своей поездки по Египту и Нубии. Известно, что под его влиянием Грановский принялся за составление в своем учебнике всеобщей истории специального раздела по истории древневосточных народов. Совершенно правильно оценивает автор роль и значение трудов И. А. Гульянова, привлечших внимание русских ученых к изучению истории Египта. Такие имена русских ученых, как А. Н. Оленина, первого оценившего значение открытия Шамполиона, и А. Прахова, не мало способствовавшего расцвету русской науки об истории Египта, впервые встречаются на страницах учебника.

Очень удачным является увеличение количества рисунков. Большая работа была проведена по переработке библиографии, которая включает теперь не только большие труды, но и специальные статьи всех советских востоковедов и ряд важнейших иностранных работ. Исправлены и дополнены карты, однако, к сожалению, они так неудачно вплетены, что середина карты пропадает, вследствие чего использование их при работе над учебником весьма затруднительно.

Оценка переработанных во втором издании разделов была бы неполной, если бы мы не отметили, что характеристика древнеегипетского языка теперь полностью основана автором на положениях марксистско-ленинской науки (165).

Резюмируя сказанное выше, можно отметить, что переработанный автором новый текст учебника теперь в еще большей мере представляет собой «труд, основанный на длительном изучении источников», содержащий «много интересных,

ранее мало использованных данных»¹. Тем более жаль, что автор не учел некоторых справедливых замечаний рецензентов. Так, следовало более четко дать хронологическую последовательность событий в разделах, посвященных экономике², тщательнее осветить вопрос о *кенбет* и *джаджат*. Необходимо было точнее передать древнеегипетские термины. Например, на стр. 498, куппы попрежнему называются «шун», хотя в словаре они названы «шутти»; слово «седжу» снова переводится как раб, хотя в египетском языке оно не имеет этого значения. Неудачен перевод термина «секер-анх» — «живой пленник». Точнее переводить просто «пленник» или, если давать перевод буквально, то «живой убитый», отчего выиграло бы и смысловое значение: тот, кого раньше убивали, когда не было рабов, теперь остается живым для того, чтобы использовать его рабочую силу.

К сожалению, автор не согласился с замечанием рецензентов, что не следует вводить для установившихся имен и терминов свою особую транскрипцию, которая, может быть, и имеет свои основания, но не принята у нас в научной литературе, как, например, «гиероглифы, гиератика, Псамтик» и т. п.

Схематично объяснены причины падения Древнего царства. Неудачно определение египетской знати как местной рабовладельческой аристократии. Остается неясным (стр. 206), чем вызван в этот период процесс распада Египта на номы. Недостаточно четко показано значение жалованных грамот храмам, так как не раскрыта сущность храмового хозяйства и его роль в номе. Неясно также, в чем состоял контроль номарха над храмами и в качестве кого номарх становился во главе жречества. Хотя скудость источников об этом периоде чрезвычайно затрудняет освещение этих вопросов, однако следовало попытаться их решить на основании более глубокого анализа имеющихся в нашем распоряжении документов.

Главы VII, VIII, IX дают очень интересную историческую картину периода Древнего, Среднего и Нового царств. Хотелось бы только, чтобы методологически правильное изложение сначала экономической истории страны, а затем уже ее политической истории не нарушало хронологическую последовательность сообщаемых событий, что имеет место при изложении истории не только Нового царства (см. выше), но и во всех главах. Не надо забывать, что это учебник и четкость хронологии облегчает усвоение фактов. Непонятно, почему из всех египетских фараонов так выделен Рамзес II, которому отведено в учебнике значительно больше места, чем любому другому фараону.

Наибольшие возражения вызывает глава X — «Культура», в частности раздел литературы. Хотя упомянутые литературные произведения датированы автором, однако картины развития литературы в целом не получается, так как литературные произведения классифицированы не по периодам, а по жанрам, в то время как деление на жанры не всегда удачно. Едва ли можно «Жалобы крестьянина», что уже отмечалось выше, отнести к поучениям. С еще меньшим основанием можно считать поучением Лейденский папирус и пророчество Ноферреху, где содержится больше исторического повествования, чем дидактики. Зато действительные поучения периода «Нового царства» как, например, Ани и Аменемпе, совсем не попали в литературу, хотя они очень интересны по содержанию, так как в них ярко отражен классовый гнет. Поучение Дуау в главе VIII лишь упомянуто, а в главе X о нем вообще ничего не говорится. Ничего не сказано о поучении из папируса Честер Бити, между тем использование этого папируса избавило бы автора от ошибочного утверждения о том, что «литературные произведения почти всегда анонимны». Это мнение справедливо в отношении сказок, но не поучений, и не всегда их авторами были легендарные мудрецы. Ведь не случайно в папирусе Честер Бити говорится, что все исчезло, но имена людей, оставивших писания, такие как Имхотеп и Хардедеф, живут в памяти поколений. От сказок оказалась оторванной сказка о потерпевшем кораблекрушение, видимо потому, что сказочный сюжет развернут на фоне путешествия. Не включена в главу и историческая повесть — автобиография Синухета и, наконец, насыщенная фанта-

¹ ВДИ, 1950, № 1, стр. 116.

² ВДИ, 1949, № 3, стр. 107.

стическими мотивами сказка об обреченном царевиче. Основная идея последней не в том, что царевич ушел из дому странствовать, а в том, что он невинно гоним судьбой, так же как и Бата из сказки о двух братьях. Если бы на эту сторону автор обратил внимание, он сумел бы установить причину возникновения подобных сказок в конце Нового царства, когда могущество Египта уже клонилось к упадку, и социальное неравенство приобрело особенно острые формы.

В разделе философской поэзии автор ограничил свою задачу рассмотрением только поэтических произведений, в то время как привлечение мемфисского трактата, надписи на Карнакском храме (времени Сети I) о воде, как сущности вещей, и более широкое использование философской стороны гераклеопольского поучения позволили бы автору дать четкую картину развития египетского мировоззрения и показать, что и в области философии «пытливая мысль человека постепенно развивалась, несмотря на господство религиозно-магического мировоззрения», о чем справедливо говорится на стр. 325 по отношению к таким наукам, как математика и медицина.

Раздел «Обогащения царя» в главе о культуре не на месте. Характеризовать культ царя в каждый период следовало в соответственной главе, вследствие чего не исчезла бы разница в соотношениях к культу царя в период Древнего и Среднего царств, о чем свидетельствует ряд памятников, в том числе и поучение гераклеопольского царя.

Р. И. Рубинштейн

*

Во втором издании учебника глава «Древняя Индия» написана значительно лучше, чем в первом. В полтора раза увеличен объем главы, а материал, содержащийся в ней, находится на более высоком научном уровне. Картина общественных отношений дана полнее и тщательнее. Более четко, чем в первом издании, автор говорит о существовании рабства в древней Индии, его особенностях и значении в общественно-экономической жизни древнеиндийского общества. Более четкой является также характеристика различных общественных слоев свободного населения. Значительно расширен важный (и трудный для написания) раздел об источниках и историографии. Изложение стало более ясным и доступным. Исправлены некоторые фактические неточности. Вместе с тем, несмотря на увеличение объема, глава «Древняя Индия» (так же как и глава о древнем Китае) и в этом издании выглядит как привесок к истории стран Ближнего Востока. Это видно хотя бы из того, что только одна из глав, посвященных истории древнего Египта (X глава — «Культура древнего Египта»), имеет почти такой же объем, как вся глава, посвященная древней Индии.

Существенным недостатком является статичное изложение материала. Идея развития форм общественных отношений не пронизывает должным образом все содержание главы. Правда, периодизация истории древней Индии пока еще может носить только условный характер и не может считаться определенно установленной; тем не менее первая попытка такой периодизации¹ должна была быть учтена автором.

В связи с этим неясно, почему автор ограничивает историю древней Индии III в. до н. э. — временем Ашоки, «последним периодом расцвета рабовладельческих государств древней Индии» (как не совсем понятно определяет сам автор на стр. 606), хотя в дальнейшем изложении ни слова не говорится о разложении рабовладельческих или зарождающихся феодальных отношений. Это обстоятельство может создать у читателя неправильное представление о якобы последовавшем затем периоде средневековья. Неясно также, почему все религии древней Индии излагаются вместе (в разделе «Культура древней Индии», что само по себе неправильно), тогда как формы идеологии изменялись в соответствии с развитием и изменением общественно-экономических отношений.

Вызывает возражение также то, что истории древней Индии с VI по III в. до н. э. посвящена только 1/6 часть объема всей главы. Между тем в это время имело место

¹ См. Д. А. Сулейкин, Основные вопросы периодизации истории древней Индии, «Ученые записки Тихоокеанского института», т. II, М.—Л., 1949.

интенсивное развитие и распространение в Индии рабовладельческих отношений, а в результате складывания крупных рабовладельческих государств возникло первое в истории страны общендийское военно-административное объединение — империя Маурьев. В этот период возникает буддизм, укрепляются связи с внешним миром и т. д. Поэтому, исходя из важности и значительности этого материала, соотношение частей главы должно было быть совершенно иным.

Как недостаток следует отметить также и то, что обойден вопрос о формировании индийских народностей и о различии исторических судеб многих из них. Вследствие этого у читателя создается неправильное представление, будто описываемые общественно-экономические процессы происходили одинаково на всей территории страны, тогда как речь идет, в основном, о государствах долины Ганга.

Слабым местом главы является изложение событий, связанных с так называемым «арийским завоеванием» Индии. Точка зрения автора на этот вопрос не совсем ясна. С одной стороны, он критикует эту теорию и само вторжение считает «так называемым» (стр. 574); с другой же стороны, он признает, что вторжение ариев и их борьба с темнокожим коренным населением страны действительно имели место между XV и X вв. до н. э. Эта часть главы слабее других еще и в том отношении, что автор здесь допускает ряд недостаточно обоснованных утверждений. Так, он утверждает, будто в середине II тысячелетия до н. э. вся Индия была населена темнокожими племенами дравидов (стр. 584). Предположения такого рода все еще остаются предположениями, не подтвержденными никакими точными данными¹. Неверным является утверждение автора, что в «Махабхарате» и «Рамаяне» описываются кровопролитные сражения, которые происходили при захвате завоевателями Арнаварты (стр. 585). Таких фактов в древнеиндийском эпосе нет, и автор легко убедился бы в этом, если бы попытался свое утверждение проиллюстрировать примерами. На стр. 586 автор говорит о двуедином государстве, существовавшем в северо-западной Индии и разрушенном племенами ариев. Однако о государственном устройстве племен долины Инда в III—II тысячелетия до н. э. ничего определенного неизвестно, и что такое в данном случае «двуединое государство», читателю остается неясным.

Утверждение будто «древнейший религиозный обычай и закон требовали, чтобы вдова после смерти мужа всходила вслед за ним на костер...» (стр. 590), может вызвать у читателя неправильное представление о семейных отношениях в древней Индии. Этот обычай не был всеобщим даже в среде знати; простой же народ ему никогда не следовал.

Неверно мнение (стр. 593), будто варны объединяли людей, связанных, помимо прочих признаков, общей профессией. На той же странице автор указывает, что варна вайшьев, например, состояла из земледельцев, ремесленников и торговцев. Следовательно, ни о какой общности профессии в этом случае не может быть и речи.

Сомнительно также утверждение, будто Ашока признал буддизм государственной религией (стр. 608). Нет никаких данных для таких утверждений.

Способно вызвать недоразумение также следующее место на 610 стр.: «Культе предков в застойном быту древней Индии сохранялся очень долго. Отголоски древнего культа предков сохранились даже в более поздней индийской драме „Шакунтала“ (V в. н. э.)...» и т. д. На самом деле культ предков сохранился до наших дней отнюдь не в виде отголосков, а является одной из важнейших основ современного индуизма.

Вызывает возражение положение, что уже в VI в. до н. э. затвердевшая кастовая система мешала развитию социально-экономических отношений в Индии (стр. 611). Для читателя будет непонятно, почему в таком случае касты просуществовали до наших дней, причем их роль огромна еще и сейчас. Дело в том, что автор не проводит достаточно определенной грани между варной и джати. Кастовая система окончательно сложилась только в период раннего Средневековья, а возникновение каст в специфических условиях древней Индии было явлением закономерным и

¹ См. З. М а к к е й, Древняя культура долины Инда. См. также предисловие к этой работе, написанное акад. В. В. Струве, М., 1951.

оправданным. В существенный тормоз общественно-экономического развития касты превратились только в период позднего Средневековья.

Карта древней Индии, приложенная к учебнику, составлена значительно более гшательно, чем в первом издании. Но и в нее вкравлись некоторые досадные ошибки. Так, неправильно указано наименование древнеиндийского города, стоявшего на месте нынешнего Дели, как Хастинапутра; действительное же название его было — Индрапраста. Не совсем точно указано местоположение древнего города Таксилы.

В целом главу «Древняя Индия» следует оценить положительно. Она отражает современное состояние советской исторической науки в области изучения проблем истории древней Индии, с ее еще недостаточными успехами и значительными недостатками. Естественно, что в рецензии основное внимание приходится уделять недостаткам, уяснение которых является необходимым условием их преодоления.

Г. Ф. Ильин

*

20-я глава «Истории древнего Востока» посвящена истории Китая — периоду, равному почти двум тысячелетиям, времени, когда в Китае возникло и развивалось рабовладельческое общество. В целом эта глава, бесспорно, будет служить ценным пособием для студентов наших вузов. В отдельных своих частях она обладает чертами исследования, выдвигая новые вопросы в истории Китая. Несмотря на то, что глава крайне кратка и сжата, автору удалось иллюстрировать свои основные методологические положения значительным фактическим материалом, особенно в первой части работы. Глава В. И. Авдиева о древнем Китае представляет собой в некоторой степени краткое обобщение достижений советского китаеведения. Автор широко использует открытия китайских археологов и историков, так как в последние 50 лет в Китае сделано много ценных археологических находок, а со времени возникновения Китайской Народной республики археологические исследования ведутся особенно интенсивно.

Характеризуя работы феодальных и буржуазных китаеведов, В. И. Авдиев показал их недостатки, классовую ограниченность их исторических взглядов, однако не уделил внимания разоблачению фальсификации древней истории Китая, совершающейся в целях оправдания колонизаторской политики капиталистических держав.

Безусловно положительным явлением следует считать включение в главу сведений о русской дореволюционной историографии и особенно о трудах Бичурина. Справедлива и оценка, данная автором русскому китаеведению, отличающемуся своим демократическим направлением, симпатиями к китайскому народу и умением ценить достижения китайской культуры. Однако значительным недостатком является отсутствие обзора советской историографии, а также трудов китайских прогрессивных историков. Упоминаются только работы Го Мо-жо, в то время как именно древней истории своей страны уделяют особенно большое внимание многие китайские историки. К фактам из истории этого периода очень часто в своих произведениях обращается Мао Цзе-дун.

В главе значительное внимание уделено периоду возникновения и развития классов и государства, но слишком кратко освещены периоды более поздние, имеющие, однако, большое историческое значение.

Зарождение и развитие рабовладельческого общества в Китае В. И. Авдиев связывает с развитием производительных сил, ростом производительности труда, совершенствованием техники обработки металлов, сначала бронзы, а затем железа, ростом богатств. Автор приводит интересный материал, свидетельствующий о значительном развитии земледелия, системы орошения, металлургии, различных видов ремесел, торгового обмена, ростовщичества, торговых городов; показано, как в условиях натурального хозяйства древности возникло и развивалось товарное производство. Автор характеризует источники добычи рабов, специфически китайские формы порабощения, области хозяйства, где применялся труд рабов, переход от домашнего рабства к развитому, рост работорговли. Однако следует указать на ошибочное предположение

автора, что термин «нуфу» мог означать раба-земледельца, и что иероглиф «фу» пленник (стр. 648) означал человека, добывающего раковины.

Проследивая развитие рабовладельческого общества в древнем Китае, автор весьма убедительно показывает большую значимость земледельческой общины, превращение родовой общины в сельскую, причины, породившие особенную устойчивость общины и все же частичное ее разложение.

Во всем изложении обстоятельно освещается положение трудового народа и борьба свободных земледельцев и рабов против угнетателей; особенно подробно освещены народные восстания, начиная с восстания IX в. до н. э. и кончая восстанием «Желтых повязок» в конце II в. н. э.

Достаточно убедительно раскрывается вопрос о развитии форм собственности на землю, о превращении части общинных земель в государственную собственность, о складывании земельного фонда, централизованного в руках государства, и о раздаче земель аристократическим родам. Однако автором почти обойден вопрос о возникновении частной собственности на землю; между тем эта черта выделяет древнекитайское общество среди многих других древневосточных обществ. В дальнейшем изложении, правда, говорится о крупных земельных владениях, но не показано, как они возникли и развивались, их место и роль в истории Китая, особенно в первые века нашей эры.

Политическая история времени «Лего» и «Чжаньго», как и ханьского периода изложена чрезвычайно кратко. Автор говорит о реформах Шан Яна, о создании единого централизованного государства при Цинь Ши-хуанди, об его завоевательной политике, которая была необходима «...для развития рабовладельческого хозяйства и торговли...» (стр. 659), однако, недостаточно четко оценивает причины и следствия этих событий, имевших большое историческое значение. Не раскрыты также причины быстрого падения первой империи и мощного народного восстания, имевшего место в III в. до н. э.

Слишком кратко изложена история древнего Китая с конца III в. до н. э. и до начала III в. н. э. Это время создания мощного государства, высокого для древности развития сельского хозяйства, ремесла, торговли, установления обширных внешних связей, в том числе и с народами, обитавшими в древности на восточных территориях Советского Союза, период высокого подъема культуры, научных знаний, искусства. Китай стал тогда самой мощной державой Азии, оказывавшей значительное воздействие на историю и культуру других народов и стран. От этого периода сохранилось больше всего письменных памятников. Вместе с тем это время меньше всего изучено и освещено как китайскими историками, так и советской историографией, а в оценке этого длительного исторического периода существуют большие разногласия.

Безусловно большие трудности в освещении этого периода вызывает многоукладность, а также специфические черты кризиса рабовладельческого общества в Китае. Кризисные явления автор совершенно справедливо видит не в обложении земледельцев государственными повинностями и налогами, а в том, что крупные собственники земли принуждены отказаться от использования труда рабов и переходят к новым формам эксплуатации (стр. 662). В. И. Авдиев сравнивает древнекитайских арендаторов с древнеримскими колонатами. Жаль только, что он умалчивает о других формах своеобразного древнекитайского колоната, возникавшего путем закабаления и закрепощения свободных земледельцев.

Сравнительно мало освещен вопрос об активной роли надстройки, в том числе и идеологии, в сохранении рабовладельческого базиса в эпоху Хань; недостаточно также охарактеризованы следствия нарушения в Китае закона обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил, приведшие к затяжному кризису, ослаблению ханьской державы, упадку культуры и резкому обострению классовой борьбы. В этом плане решается в учебнике вопрос о реформах Ван Мана и народных восстаниях, но все же грандиозным народным восстаниям I и II вв. уделено слишком мало места. История последних веков эпохи Хань в учебнике почти отсутствует.

Положительным следует считать включение особого отдела «Культура древнего Китая». Здесь вскрыта классовая сущность и направленность идеологических школ, борьба материалистических идей с идеализмом. Однако хотелось видеть в этом отделе более детальное освещение уровня развития научных знаний, литературы и искусства древнего Китая.

XX глава учебника будет служить хорошим пособием для студентов. В то же время очевидна необходимость дальнейших серьезных исследований основных вопросов истории Китая. История великого китайского народа требует в наших учебных курсах более полного освещения.

Л. В. Симоновская

Г. А. МЕЛИКИШВИЛИ. Урарту, Научно-популярный очерк по истории предков грузинского народа, Тбилиси, 1951, (на груз. языке)¹;— Он же, О происхождении грузинского народа, Тбилиси, 1952, 52 стр., тираж 8000 экз., цена 1 руб.

Выход в свет научно-популярного очерка по истории Урарту, написанного одним из лучших специалистов по урартской филологии и истории — Г. А. Меликишвили, не может не вызвать интереса как специалистов-историков, так и всех, кто интересуется данным кругом вопросов: в работах автора книги впервые был намечен подход к раскрытию социально-экономической истории Урарту, ему принадлежит ряд интересных этюдов по специальным вопросам урартоведения, а также образцовое издание всех урартских текстов (ВДИ, 1953, № 1—4). Несмотря на популярный характер рецензируемой книги, в ней должны были отразиться новейшие исследования автора, и читатель ожидает, что в ней будет дана цельная концепция истории Урарту. Правда, важнейшие из этих работ вышли позже рецензируемой книги, но материал их, несомненно, уже был в распоряжении автора при ее написании. Книга предназначена для грузинского читателя, и это придает ей особое значение: вопрос о грузино-урартских культурных, исторических и языковых связях исследовался далеко недостаточно².

К сожалению, автор сам себя чрезмерно ограничил: книга в целом трактует историю Урарту только в аспекте грузинского этногенеза; она представляла бы еще больший интерес, если бы в ней были освещены более подробно вопросы этногенеза и других народов Закавказья, в частности армян, а также общие проблемы истории Урарту и его роли в историческом развитии рабовладельческого общества в целом. Наконец, если раньше, за полным — как предполагалось до недавнего времени — отсутствием материалов, вопросы социально-экономической истории Урарту оставались неосвещенными, то теперь, после работ самого Г. А. Меликишвили, посвященных именно этой стороне урартской истории³, странно, что в рецензируемой книге так скудно отражена социально-экономическая история Урарту. Ведь нельзя считать, что социально-экономические вопросы не имеют значения для поставленной автором темы, хотя бы и в плане этногенеза.

¹ Выражаю искреннюю благодарность К. А. Ракитиной за ее помощь в работе над грузинским текстом книги.

² О грузино-урартских лингвистических соотношениях писал много лет назад Н. Я. Марр. Все приводимые им соображения следует считать отпавшими, прежде всего в силу порочности методологии Н. Я. Марра. К тому же само определение значения урартской лексики в науке того времени было ошибочным; достаточно сказать, что из предложенных Н. Я. Марром и собранных И. И. Мещаниновым в I томе «Языка ванских клинописных надписей» грузино-урартских сопоставлений вряд ли хоть одно сохраняет силу сегодня. Других работ в этой области очень немного.

³ «Некоторые вопросы социально-экономической истории Урарту», ВДИ, 1951, № 4, стр. 22 сл.